

И. СМОКТУНОВСКИЙ
В РОЛИ МЫШКИНА
В СПЕКТАКЛЕ «ИДИОТ»

Постановка Большого драматического театра им. Горького,
Ленинград, 1959 г.

Автолитография А. М. Галеркина,
1959

Музей-квартира
Ф. М. Достоевского, Москва

II. ПОМЕТЫ В. Г. КОРОЛЕНКО НА КНИГАХ ДОСТОЕВСКОГО

Сообщение И. А. Кропрод

Короленко часто читал с карандашом в руках. Об этом наглядно свидетельствует часть личной библиотеки писателя, которая сохранилась в его Доме-музее в Полтаве. Так читал он произведения, привлекавшие его особое внимание; следы этого чтения сохранились на книгах Льва Толстого, Салтыкова-Щедрина, Гоголя, Успенского, Достоевского. Это были писатели, литературные портреты которых он создал, влияние которых, в той или иной мере, испытал.

Читая, Короленко отчеркивал части текста: вертикальной чертой на полях выделял он целые страницы, либо их части, те или иные абзацы; внутри выделенного текста подчеркивал слова и выражения. На полях также ставил особые знаки: NB, изредка даже сдвоенный NBNB, восклицательные и вопросительные знаки, которые он иногда соединял с NB; косые крестики, проводил горизонтальные параллельные черточки (—; =; ≡), изредка соединенные с небольшой вертикальной чертой (|—).

Не ограничиваясь такими пометами, Короленко в некоторых случаях делал и замечания на полях.

На форзацах книг, на внутренней стороне переплетов он оставлял и своеобразный тематический ключ к этим пометам: указывал привлекавшие его внимание страницы, называл выделенные им в тексте темы, то цитируя автора (например, на форзаце «Братья Карамазовы»: «„А Россию спасет господь“ — 364»); то перефразируя авторский текст (например, на форзаце «Бесов»: «Честные и бесчестные (неизв. кто у кого в руках) — 21»).

Такой характер имеют и пометы на сохранившихся в библиотеке Короленко четырех томах Полного собрания сочинений Достоевского (СПб., 1891—1892): томе седьмом («Бесы»), девятом («Дневник писателя» 1873 г.), одиннадцатом («Дневник писателя» 1877 и 1880 гг.) и двенадцатом («Братья Карамазовы») ¹.

Пометы Короленко сделаны черным карандашом. Прямых и точных сведений о времени чтения Короленко этих произведений Достоевского не имеется. Однако некоторые данные позволяют предположительно установить датировку. Известно, что к началу 1900-х годов относится работа Короленко над рассказом «Не страшное», опубликованном в 1903 г.² В этом рассказе современники почувствовали «воздействие Достоевского», отметили, что Короленко воспринял «одну из основных мыслей Достоевского о взаимной нравственной ответственности друг за друга»³.

Интерес Короленко к Достоевскому, темам и образам его произведений, отдельным мыслям и высказываниям, в 1890-х и начале 1900-х годов подтверждается и пометами Короленко на книгах Достоевского. Так, на форзаце двенадцатого тома среди других тем указано: «343 — в Дуэли». Открыв 343 страницу, читаем: «Тогда хоть и преследовались поединки жестоко, но была на них как бы даже мода между военными — до того дикие нарастают и укрепляются иногда предрассудки».

Эти, выделенные Короленко слова, так же, как и указание «в Дуэли» напоминают о статьях писателя: «Русская дуэль в последние годы» (1897), «Господа дуэлянты» (1907), «Русский взгляд на дуэли и польское коло» (1913); особенно о первой, где Короленко наряду с рассуждениями и рассказами о предрассудках в военной среде, как бы продолжая мысль Достоевского, пишет: «Разумеется, мода не ограничивается военной средой: дуэль имеет применение и в среде штатской»⁴.

Таким образом, мы можем предположить, что скорее всего Короленко вновь перечитывал произведения Достоевского в конце 1890 — начале 1900-х годов, когда работал над статьями о дуэлях, писал «Не страшное». Об этом же свидетельствует и характер почерка писателя.

Ниже воспроизводятся тексты Достоевского с пометами Короленко.

ПОМЕТЫ НА СТРАНИЦАХ РОМАНА «БЕСЫ»

<21>* — Говорили об уничтожении цензуры и буквы ь, о замене русских букв латинскими, о вчерашней ссылке такого-то, о каком-то скандале в пассаже, о полезности раздробления России по народностям с вольною федеративною связью, об уничтожении армии и флота, о восстановлении Польши по Днепр... Честные были гораздо непонятнее бесчестных и грубых; но неизвестно было, кто у кого в руках. (VII, 21)

<22> явилась карикатура, в которой язвительно скопировали Варвару Петровну, генерала и Степана Трофимовича на одной картинке, в виде трех ретроградных друзей; к картинке приложены были и стихи, написанные народным поэтом единственно для этого случая. (VII, 21)

<127> — Тут одна только животная, бесконечная ненависть к России, в организм вьезшаяся... И никаких невидимых миру слез из-под видимого смеха тут нету! Никогда еще не было сказано на Руси более фальшивого слова, как про эти незримые слезы! — вскричал он почти с яростью. (VII, 114)

<128—129> — Мы, напротив, тотчас решили с Кирилловым, что «мы, русские, перед американцами маленькие ребятишки, и нужно родиться в Америке или, по крайней мере, сжиться долгими годами с американцами, чтобы стать с ними в уровень». Да что: когда с нас за копейную вещь спрашивали по доллару, то мы платили не только с удовольствием, но даже с увлечением. Мы все хвалили: спиритизм, закон Линча, револьверы, бродяг. Раз мы едем, а человек полез в мой карман, вынул мою головную щетку и стал причесываться; мы только переглянулись с Кирилловым и решили, что это хорошо и что это нам очень нравится... (VII, 115)

* В ломаных скобках указаны страницы книги. Слова, подчеркнутые Короленко, выделены курсивом. В круглых скобках, как всегда в настоящ. томе, даны ссылки на Собр. соч. Достоевского в XIII томах.

<187> — Ты меня прости, Степан Трофимович, за мое глупое признание, но ведь согласишься, пожалуйста, что хоть ты и ко мне адресовал, а писал ведь более для потомства, так что тебе ведь и все равно... Ну-ну, не обижайся; мы-то с тобой все-таки свои! Но это письмо, Варвара Петровна, это письмо я дочитал. (VII, 166)

<191> — Этот Л—н еще прежде ссылки некоторое время боролся с голодом и тяжким трудом добывал себе хлеб, единственно из-за того, что ни за что не хотел подчиниться требованиям своего богатого отца, которые находил несправедливыми. Стало быть, многосторонне понимал борьбу; не с медведями только и не на одних дуэлях ценил в себе стойкость и силу характера. (VII, 170)

<200> — Да понимаешь ли, кричу ему, понимаешь ли, что если у вас гильотина на первом плане и с таким восторгом, то это единственно потому, что рубить головы всего легче, а иметь идею всего труднее! (VII, 178)

<232> — Но не вы ли говорили мне, что если бы математически доказали вам, что истина вне Христа, то вы бы согласились лучше остаться со Христом, нежели с истиной? Говорили вы это? Говорили?.. (VII, 205)

<232—233>—Ни один народ,— начал он, как бы читая по строкам и в то же время продолжая грозно смотреть на Ставрогина,—ни один народ еще не устраивался на началах науки и разума; не было ни разу такого примера, разве на одну минуту, по глупости. Социализм по существу своему уже должен быть атеизмом, ибо именно провозгласил, с самой первой строки, что он установление атеистическое и намерен устроиться на началах науки и разума исключительно. Разум и наука в жизни народов всегда, теперь и с начала веков, исполняли лишь должность второстепенную и служебную; так и будут исполнять до конца веков. Народы слагаются и движутся силой иною, повелевающею и господствующею, но происхождение которой неизвестно и необъяснимо. Эта сила есть сила неутолимого желания дойти до конца и в то же время конец отрицающая. Это есть сила непрерывного и неустанного подтверждения своего бытия и отрицания смерти. Дух жизни, как говорит писание, «реки воды живой», иссякновением которых так угрожает Апокалипсис. Начало эстетическое, как говорят философы, начало нравственное, как отожествляют они же. «Искание бога», как называю я всего проще. Цель всего движения народного, во всяком народе и во всякий период его бытия, есть единственно лишь искание бога, бога своего, непременно собственного, и вера в него, как в единого истинного. Бог есть синтетическая личность всего народа, взятого с начала его и до конца. Никогда еще не было, чтоб у всех или у многих народов был один общий бог, но всегда и у каждого был особый. Признак уничтожения народностей, когда боги начинают становиться общими. Когда боги становятся общими, то умирают боги и вера в них вместе с самими народами. Чем сильнее народ, тем особеннее его бог. Никогда еще не было народа без религии, то есть без понятия о зле и добре. У всякого народа свое собственное понятие о зле и добре и свое собственное зло и добро. Когда начинают у многих народов становиться общими понятия о зле и добре, тогда вымирают народы, и тогда самое различие между злом и добром начинает стираться и исчезать. Никогда разум не в силах был определить зло и добро, или даже отделить зло от добра, хотя приблизительно; напротив, всегда позорно и жалко смешивал; наука же давала разрешения кулачные. В особенности этим отличалась полунаука, самый страшный бич человечества, хуже мора, голода и войны, не известный до нынешнего столетия. *Полунаука — это деспот...* (VII, 206)

⟨233⟩ — Не думаю, чтобы не изменили,— осторожно заметил Ставрогин;— вы пламенно приняли и пламенно переименовали, не замечая этого. Уж одно то, что *вы бога низводите до простого атрибута народности...* (VII, 207)

⟨234⟩ — Истинный великий народ никогда не может примириться со второстепенною ролью в человечестве, или даже с первостепенною, а непременно и исключительно с первою. Кто теряет эту веру, тот уже не народ. *Но истина одна, а, стало быть, только единый из народов и может иметь бога истинного...* (VII, 207)

⟨235⟩ — Я верую в Россию, я верую в ее православие... Я верую в тело Христово... Я верую, что новое пришествие совершится в России... Я верую...— залепетал в испугании Шатов.

— А в бога? В бога?

— Я... я буду веровать в бога.

Ни один мускул не двинулся в лице Ставрогина. Шатов пламенно, с вызовом, смотрел на него, точно сжечь хотел его своим взглядом. (VII, 208)

⟨238⟩ — Вы атеист, потому что вы барич, последний барич. Вы потеряли различие зла и добра, потому что перестали свой народ узнавать... Идет новое поколение, прямо из сердца народного, и не узнаете его вовсе, ни вы, ни Верховенские, сын и отец, ни я, потому что я тоже барич, я, сын вашего крепостного лакея Пашки... Слушайте, добудьте бога трудом; вся суть в этом, или исчезнете, как подлая плесень; трудом добудьте. (VII, 211)

⟨238⟩ — Вы полагаете, что бога можно добыть трудом и *именно мужицким?* — переговорил он, подумав, как будто действительно встретил что-то новое и серьезное... (VII, 213—214)

⟨241⟩ — У того коли сказано про человека: подлец, так уж кроме подлеца он про него ничего и не ведает. Али сказано — дурак, так уж кроме дурака у него тому человеку и звания нет. *А я, может, по вторникам да по средам только дурак, а в четверг и умнее его.*

⟨361⟩ — То были,— так как теперь это не тайна,— во-первых, Липутин, затем сам Виргинский, *длинноухий* Шигалев, брат г-жи Виргинской, Лямшин и, наконец, некто Толкаченко,—(VII, 320)

⟨372⟩ — *Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом.* (VII, 328)

NB

⟨373⟩ — Он предлагает, в виде конечного разрешения вопроса — разделить человечество на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятими. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо...

NB NB

⟨385⟩ — В крайних случаях клевета и убийство, а главное, равенство. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей! (VII, 341)

⟨385—386⟩ — Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается камнями, вот шигалевщина! Рабы должны быть равны: без деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства, но в стаде должно быть равенство, и вот шигалевщина! Ха-ха-ха, вам странно? Я за шигалевщину! (VII, 341—342)

〈386〉 — Я за Шигалева! Не надо образования, довольно науки! И без науки хватит материалу на тысячу лет, но надо устроиться послушанию. В мире одного только недостает, послушания.

— Знаете ли, я думал отдать мир папе. Пусть он выйдет пеш и бос и покажется чернц: «Вот, дескать, до чего меня довели!» и все повалит за ним, даже войско. Папа вверху, мы кругом, а под нами шигалевщина. Надо только, чтобы с папой Internationale согласилась, так и будет (VII, 342)

〈На форзаце〉:

«Вольная, аристократ. связь», — 21

Честные и бесчестные (неизв. кто у кого в руках) 21

«народный поэт» 22

О ненависти к России и о незримых (Шатовы) слезах — 127

Поездка русских в Америку 129

Истина и Христос (Если бы наука была против Христа — 232)

Разум, бог, народ, всякий народ ищет 232—233

NB Истина разная, понятия о добре и зле тоже разные и должны быть разные, иначе народы умирают (!) 233

Полунаука — деспот 233

Истина одна — и один народ ею обладает 234

Вера в Россию дает веру в Бога 235

NB Пророчество о нов. поколении из народа 238

Добыть бога мужицким трудом — (il)

Я по вторникам да по четвергам только дурак — 241.

Исходя из безгранич. свободы — заключаю безгран. деспотизм.

—372 — 373

Понизить уровень талантов — 385, 386

Шигалева

ПОМЕТЫ НА СТРАНИЦАХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ И «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ» 1873 г.

〈21〉 — В самом деле, только что захочешь высказать, по своему убеждению, истину, тотчас выходит как будто из прописей! Что за фокус! Почему множество современных истин, высказанных чуть-чуть в патетическом тоне, сейчас же смахивают на прописи?

〈149〉 — Западничество перешло бы свою черту и совестливо отказалось бы от своих ошибок. Оно и перешло ее, наконец, и обратилось к реализму, тогда как славянофильство до сих пор еще стоит на смутном и неопределенном идеале своем

〈На последней странице〉:

21 — Истины из прописей

О «Дне» — 148⁵

О западничестве и реализме — 149

ПОМЕТЫ НА СТРАНИЦАХ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ» 1877 и 1880 гг.

〈32〉 — Тяжелое здесь слово это: *укоризненно*. Пребыли ли мы «верны», пребыли ли? Всяк пусть решает на свой суд и совесть. Но прочтите эти страдальческие песни сами, и пусть вновь оживет наш любимый и страстный поэт! Страстный к страданью поэт!.. (XII, 33)

<46> — да, да будут прокляты эти интересы цивилизации, и даже самая цивилизация, если для сохранения ее, необходимо сдирать с людей кожу. Но однако же это факт: для сохранения ее необходимо сдирать с людей кожу! (XII, 44)

№
?

<49> — По-моему, одно: осмыслить и прочувствовать можно даже и верно и разум, но сделаться человеком нельзя разум, а надо выделаться в человека. Тут дисциплина. Вот эту-то неустанную дисциплину над собой и отвергают иные наши современные мыслители. (XII, 47)

<147> — Подпись под таким письмом придает выражениям чрезвычайную цену, и что весь характер такого письма изменится к лучшему через подпись, которая придает ему дух прямоты, мужества, готовности постоять и ответить за свои убеждения, да и самая резкость выражений покажет лишь горячку убеждения, а не желание оскорбить (XII, 132)

<149> — Да чего, — даже Гоголь в «Переписке с друзьями», советовал приятелю, распекая крепостного мужика всенародно, употреблять непременно крепкие слова, и даже приводил, какие именно, т. е. именно те из них, которые садче, в которых как можно больше бы оказывалось, так сказать, нравственной похабности, чем наружной утонченности, чтоб в ругательстве больше было. Между тем народ русский хоть и ругается, к сожалению... (XII, 134)

<265> — и в 1848 году все же могли быть, особенно в начале попыток, некоторые основания у тогдашних республиканцев рассчитывать на сочувствие к ним страны. Но у нынешних, у теперешних республиканцев — вот тех самых, *которых в самом скором времени предназначено конфисковать* вместе с их республикой, кому-то в свою пользу... (XII, 234)

<266> — А между тем, накануне почти верного своего падения, они убеждены в полной победе. (XII, 234)

<267> — при котором они уже и держаться во Франции будут не в состоянии и это в самом ближайшем, может быть, будущем. (XII, 235—236)

<441> — А разве может человек основать свое счастье на несчастье другого? Счастье не в одних только наслаждениях любви, а и в высшей гармонии духа. (XII, 383)

<На последней странице.>

О Некрасове (32 и предыдущей)

Предсказание — 265—267

Об анонимных письмах 145—146

Проп... ? 149 —

Европ. цивил.—46

Выделаться в человека 49

ПОМЕТЫ НА СТРАНИЦАХ «БРАТЬЕВ КАРАМАЗОВЫХ»

<35> — *Старец — это берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и свою волю. Избрав старца, вы от своей воли отрешаетесь и отдаете ее ему в полное послушание, с полным самоотрешением.* (IX, 30)

<35—36> — Обязанности к старцу не то, что обыкновенное «послушание», всегда бывшее и в наших русских монастырях. Тут признается вечная исповедь всех *подвигающихся старцу и неразрушимая связь между связавшим и связанным.* (IX, 30)

И. СМОКТУНОВСКИЙ
И Е. ЛЕБЕДЕВ В РОЛЯХ
МЫШКИНА И РОГОЖИНА
В СПЕКТАКЛЕ «ИДИОТ»

Постановка Большого Драматического театра им. Горького,
Ленинград, 1959 г.

Аудиофотография А. М. Галеркина,
1959

Центральный театральный музей
им. А. А. Бахрушина, Москва

Таким образом старчество одарено властью в известных случаях беспредельно и непостижимо. (IX, 31)

⟨37⟩ — Кончилось, однако, тем, что старчество удержалось и мало-помалу по русским монастырям водворяется. Правда, пожалуй, и то, что это испытанное и уже тысячелетнее орудие для нравственного перерождения человека от рабства к свободе и к нравственному совершенствованию может обратиться в обоюдоострое орудие, так что иного, пожалуй, приведет вместо смирения и окончательного самообладания, напротив, к самой сатанинской гордости, то есть к цепям, а не к свободе. (IX, 31)

⟨69⟩ — Если же дойдете до полного самоотвержения в любви к ближнему, тогда уж несомненно уверуете и никакое сомнение даже и не может зайти в вашу душу. *Это испытано, это точно.* (IX, 57)

и не испытано и не точно.

⟨78⟩ — Это вот как, — начал старец. — Все эти ссылки в работы, а прежде с битьем, никого не исправляют, а, главное, почти никакого преступника и не устрашают, и число преступлений *не только не уменьшается, а чем далее, тем более нарастает. Ведь вы с этим должны же согласиться.* (IX, 66)

⟨78⟩ — Вот если бы суд принадлежал обществу как церкви, тогда бы оно знало, кого воротить из отлучения и опять приобщить к себе. Теперь же церковь, не имея никакого деятельного суда, а имея лишь возможность одного нравственного осуждения, от деятельной кары преступника и сама удаляется. (IX, 66)

Кальвинизм и казни.

⟨79⟩ — *Иностранный преступник, говорят, редко раскаивается, ибо самые даже современные учения утверждают его в мысли, что преступление его не есть преступление, а лишь восстание против несправедливо угнетающей силы.*

<79> — Во многих случаях, казалось бы, и у нас то же; но в том и дело, что, кроме установленных судов, есть у нас, сверх того, еще и церковь, которая *никогда не теряет общения с преступником* как с милым и все еще дорогим сыном своим, а сверх того есть и сохраняется, хотя бы даже только мысленно, и суд церкви, теперь хотя и не деятельный... (IX, 67)

в виде
тюрем-
ных свя-
щенни-
ков

<146—147> — Ничего-с. Свет создал господь бог в первый день, а солнце, луну и звезды на четвертый день. Откуда же свет-то сиял в первый день? Григорий остолбенел. Мальчик насмешливо глядел на учителя. Даже было во взгляде его что-то высокомерное. (IX, 125)

<151> — Насчет подлеца повремените-с, Григорий Васильевич, — спокойно и сдержанно отразил Смердяков, — а лучше рассудите сами, что раз я попал к мучителям рода христианского в плен и требуют они от меня имя божие проклясть и от святого крещения своего отказаться, то я вполне уполномочен в том собственным рассудком, ибо никакого тут и греха не будет. (IX, 129)

<153> — «Христианин я или не христианин», ибо я уже был самим богом совлечен моего христианства, по причине одного лишь замысла и прежде чем даже слово успел мое молвить мучителям. А коли я уже разжалован, то каким же манером и по какой справедливости стану спрашивать с меня на том свете, как с христианина, за то, что я отрекся от Христа, тогда как я за помысление только одно, еще до отречения, был уже крещения моего совлечен? Коли я уж не христианин, значит я и не могу от Христа отречься, ибо не от чего тогда мне и отречься будет. С татарина поганого кто же станет спрашивать, Григорий Васильевич, хотя бы и в небесах, за то, что он не христианином родился, и кто же станет его за это наказывать, рассуждая, что с одного вола двух шкур не дерут. Да и сам бог вседержитель с татарина если и будет спрашивать, когда тот помрет, то, полагаю, каким-нибудь самым малым наказанием (так как нельзя же совсем не наказать его), рассудив, что ведь неповинен же он в том, если от поганых родителей поганым на свет проиошел. Не может же господь бог насильно взять татарина и говорить про него, что и он был христианином? Ведь значило бы тогда, что господь вседержитель скажет сущую неправду. А разве может господь, вседержитель неба и земли, произнести ложь, хотя бы в одном только каком-нибудь слове-с? (IX, 130)

<157> — А что до того, что он там про себя надумает, то русского мужика, вообще говоря, надо пороть. Я это всегда утверждал. Мужик наш мошенник, его жалеть не стоит, и хорошо еще, что дерут его иной раз и теперь. Русская земля крепка березой. Истребят леса, пропадет земля русская. Я за умных людей стою. Мужиков мы драть перестали, с большого ума, а те сами себя пороть продолжают. И хорошо делают. В ту же меру мерится, в ту же и возмерится, или как это там... Одним словом, возмерится. А Россия свинство. Друг мой, если бы ты знал, как я ненавижу Россию... то есть не Россию, а все эти пороки... а пожалуй что и Россию...

Знаешь, что я люблю? Я люблю остроумие. (IX, 133—134)

<185> — Вот против этих-то братских «исповедей» и восставали *противники старчества*, говоря, что это профанация исповеди как таинства, почти кощунство, хотя тут было совсем иное. (IX, 157)

<185> — Он знал тоже, что есть из братии *весьма негодующие* и на то, что, по обычаю, даже письма от родных, получаемые скитниками, при-

попились сначала к старцу, чтоб он их распечатывал и прочитывал их прежде получателей. Предполагалось, разумеется, что все это должно совершаться свободно и искренно, от всей души, во имя вольного смирения и спасительного назидания, но на деле, как оказывалось, происходило иногда и весьма неискренно, а напротив выделанно и фальшиво. (IX, 158)

<197—198>—Ободняв уже в монастыре, успел отметить и тайный ропот некоторых легкомысленных и несогласных на старчество братий. (IX, 168)

<199> — *Ибо и отрекшиеся от христианства и бунтующие против него, в существе своем сами того же самого Христова облика суть, таковыми же и остались; ибо до сих пор ни мудрость их, ни жар сердца их не в силах были создать иного высшего образа человеку и достоинству его, как образ, указанный древле Христом.* (IX, 169)

NB

<212> — Мама, вы меня убьете. *Ваш Герценштубе придет и скажет, что не может понять! Воды! воды! Мама, ради бога, сходите сами, поторошите Юлию, которая где-то там завязла и никогда не сможет скоро прийти! Да скорее же, мама, иначе я умру...* (IX, 180)

Уже и рано будет лечить один Зосима.

<237> — Три дамы сидят-с, одна без ног слабоумная, другая без ног горбатая, а третья с ногами, да слишком уж умная, *курсистка-с, в Петербург снова рвется, там на берегах Невы права женщины русской отыскивать.* (IX, 202)

NB

<238—239>— И вот так-то детки наши — то есть не ваши, а наши-с, детки презренных, но благородных нищих-с, правду на земле еще в девять лет от роду узнают-с. *Богатым где: те всю жизнь такой глубины не исследуют, а мой Илюшка в ту самую минуту на площади-то-с, как руки-то его целовал, в ту самую минуту всю истину произвел-с.* (IX, 203)

NB

<251—252>— Нет, Lise, нет презрения,— твердо ответил Алеша, как будто уже приготовленный к этому вопросу,—я уже об этом сам. (IX, 245)

<252> — думал, идя сюда. Рассудите, какое уж тут презрение, когда мы сами такие же, как он, когда все такие же, как он. Потому что ведь и мы такие же, не лучше. []

<261> — Я не только не желаю быть военным гусариком, Марья Кондратьевна, но желаю, напротив, уничтожения всех солдат-с.

— А когда неприятель придет, кто же нас защищать будет? (IX, 223)

!

<261> — Если вы желаете знать, то по разврату и тамошние, и наши все похожи. Все шельмы, но с тем, что тамошний в лакированных сапогах ходит, а наш подлец в своей нищете смердит, и ничего в этом дурного не находит. *Русский народ надо пороть-с, как правильно говорил вчера Федор Павлович, хотя и сумасшедший он человек со всеми своими детьми-с.* (IX, 223)

<267> — Понимаешь ты что-нибудь в моей ахинее, Алешка, аль нет? — засмеялся вдруг Иван.

— Слишком понимаю, Иван: нутром и чревом хочется любить — прекрасно ты это сказал, и рад я ужасно за то, что тебе так жить хочется,— воскликнул Алеша.— Я думаю, что все должны прежде всего на свете жизнь полюбить.

— Жизнь полюбить больше, чем смысл ее?

— Непременно так, полюбить прежде логики, как ты говоришь, непременно чтобы прежде логики, и тогда только я и смысл пойму. (IX, 228)

⟨273⟩ — Я не бога не принимаю, пойми ты это, я мира им созданного, мира-то божьего не принимаю и не могу согласиться принять. Оговорюсь: я убежден, как младенец, что страдания заживут и сгладятся, что весь обидный комизм человеческих противоречий исчезнет, как жалкий мираж, как гнусенькое измышление малосильного и маленького, как атом человеческого эвклидовского ума, что, наконец, в мировом финале, в момент вечной гармонии, случится и *явится нечто до того драгоценное, что хватит его на все сердца, на утоление всех негодований, на искупление всех злодейств людей, всей пролитой ими их крови, хватит, чтобы не только было возможно простить, но и оправдать все, что случилось с людьми*, — пусть, пусть это все будет и явится, но я-то этого не принимаю. (IX, 233)

NB

⟨279⟩ — У нас историческое, непосредственное и ближайшее наслаждение *истязанием битья*. У Некрасова есть стихи о том, как мужик сечет лошадь кнутом по глазам, «по кротким глазам». Этого кто ж не видал, это русизм. Он описывает, как слабосильная лошаденка, на которую навалили слишком, завязла с возом и не может вытащить. Мужик бьет ее, бьет с остервенением, бьет, наконец, не понимая, что делает, в опьянении битья сечет больно, бесчисленно: «Хоть ты и не в силах, а вези, умри, да вези!» Клячонка рвется, и вот он начинает сечь ее, беззащитную, по плачущим, по «кротким глазам». Вне себя, она рванула и вывезла, и пошла вся дрожа, не дыша, как-то боком, с какою-то припрыжкой, как-то неестественно и позорно, — у Некрасова это ужасно. Но ведь это всего только лошадь, лошадей и сам бог дал, чтоб их сечь. *Так татары нам растолковали и кнут на память подарили*. (IX, 238)

⟨281⟩ — Мучаю я тебя, Алешка, ты как будто бы не в себе. Я перестану, если хочешь.

— Ничего, я тоже хочу мучиться, — пробормотал Алеша.

— Одну, только одну еще картинку, и то из любопытства, очень уж характерная...

...Псарня с сотнями собак и чуть не сотня псарей, все в мундирах, все на конях. И вот дворовый мальчик, маленький мальчик, всего восьми лет, пустил как-то, играя, камнем и зашиб ногу любимой генеральской гончей. «Почему собака моя любимая охромела?» Докладывают ему, что, вот, дескать, этот самый мальчик камнем в нее пустил и ногу ей зашиб. «А, это ты, — оглядел его генерал, — взять его!» Взяли его, взяли у матери, всю ночь просидел он в кутузке, на утро, чем свет, выезжает генерал во всем параде на охоту, сел на коня, кругом него приживальщички, собаки, псаря, ловчие, все на конях. Вокруг собрана дворня для назидания, а впереди всех мать виновного мальчика. Выводят мальчика из кутузки. Мрачный, холодный, туманный осенний день, знатный для охоты. Мальчика генерал велит раздеть, ребеночка раздевают есего донага, он дрожит, обезумел от страха, не смеет цыкнуть... «Гови его!» — командует генерал, «беги, беги», — кричат ему псаря, мальчик бежит... «Ату его!» — вопит генерал и бросает на него всю стаю борзых собак. Затравил в глазах матери, и псы растерзали ребенка в клочки!... Генерала, кажется, в опеку взяли. Ну... что же его? Расстрелять?.. Говори, Алешка!

NB

— Расстрелять! — тихо проговорил Алешка с бледною перекосившеюся какою-то улыбкой...

— Bravo!.. — завопил Иван в каком-то восторге, — уж коли ты сказал, значит... Ай да схимник! Так вот какой у тебя бесенок в сердечке сидит, Алешка Карамазов! (IX, 240—241)

NB

⟨282⟩ — Я сказал нелепость, но...

— То-то и есть, что но... — кричал Иван. — Знай, послушник, что нелепости слишком нужны на земле.

⟨282⟩ — С, по моему, по жалкому, земному эвклидовскому уму моему, я знаю лишь то, что страдание есть, что виновных нет, что все одно из другого выходит прямо и просто, что все течет и уравнивается, — но ведь это лишь эвклидовская дичь, ведь я знаю же это, ведь жить по ней я не могу же согласиться! Что мне в том, что виновных нет и что все прямо и просто одно из другого выходит, и что я это знаю — мне надо возмездие, иначе ведь я истреблю себя. И возмездие не в бесконечности где-нибудь и когда-нибудь, ⟨283⟩ а здесь уже на земле, и чтоб я его сам увидал. Я веровал, я хочу сам и видеть, а если к тому часу буду уже мертв, то пусть воскресят меня, ибо без меня если все произойдет, то будет слишком обидно... Слушай: если все должны страдать, чтобы страданием купить вечную гармонию, то при чем тут дети, скажи мне, пожалуйста? Совсем непонятно, для чего должны были страдать и они, и зачем им покупать страданиями гармонию? Для чего они-то тоже попали в материал и унавозили собою для кого-то будущую гармонию? Солидарность в грехе между людьми я понимаю, понимаю солидарность и в возмездии, но не с детками же солидарность в грехе, и если правда в самом деле в том, что и они солидарны с отцами их во всех злодействах отцов, то уж, конечно, правда эта не от мира сего и мне непонятна. Иной шутник скажет, пожалуй, что все равно дитя вырастет и успеет нагрешить, но вот же он не вырос, его восьмилетнего загравили собаками. О, Алеша, я не богохульствую! Понимаю же я, каково должно быть сотрясение вселенной, когда все на небе и под землю сольется в один хвалебный глас и все живое и жившее воскликнет: «Прав ты, господи, ибо открылись пути твои!» (IX, 242)

NB

NB

⟨284⟩ — Лучше уж я останусь при неотомщенном страдании моем и неутоленном негодовании моем, хотя бы я был и не прав. *Да и слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход. А потому свой билет на вход спешу возвратить обратно. И если только я честный человек, то обязан возвратить его как можно заранее.* (IX, 243)

Мишле говорит то же⁶

⟨290⟩ — А пленник тоже молчит? Глядит на него и не говорит ни слова?

— Да так и должно быть, во всех даже случаях, — опять засмеялся Иван. — Сам старик замечает ему, что он и права не имеет ничего прибавлять к тому, что уже прежде сказано. Если хочешь, так в этом и есть самая основная черта римского католичества, по моему мнению по крайней мере: «все, дескать, передано тобою папе и все, стало быть, теперь у папы, а ты хоть и не приходи теперь вовсе, не мешай до времени по крайней мере». (IX, 248)

Только папе? А православию?

⟨293⟩ — Никакая наука не даст им хлеба, пока они будут оставаться свободными, но кончится тем, что они принесут свою свободу к ногам нашим и скажут нам: «Лучше поработите нас, но накормите нас». (IX, 251)

⟨343⟩ — Тогда хоть и преследовались поединки жестоко, но была на них как бы даже мода между военными, — *до того дикие нарастают и укрепляются иногда предрассудки.* (IX, 251)

⟨344⟩ — Все мне вдруг снова представилось, точно вновь повторилось: стоит он передо мною, а я бью его с размаху прямо в лицо, а он держит руки по швам, голову прямо, глаза выпучил как во фронте,

вздрагивает с каждым ударом и даже руки поднять, чтобы заслониться, не смеет,— и это человек до того доведен, и это человек бьет человека! Экое преступление! (IX, 310)

NB

⟨363⟩ — Ибо уединение не у нас, а у них, но не видят сего. А от нас и издревле деятели народные выходили, отчего же не может их быть и теперь? (IX, 310)

⟨363⟩ — Наступает и в народе уединение: *начинаются кулаки и мироеды*; уже купец все больше и больше желает почестей, стремится показать себя образованным, образования не имея ни мало, а для сего гнусно пренебрегает древним обычаем и стыдится даже веры отцов.

⟨364⟩ — А Россию спасет господь, как спасал уже много раз. Из народа спасение выйдет, из веры и смирения. Отцы и учителя, берегите веру народа, и не мечта сие: поражало меня всю жизнь в великом народе нашем его достоинство благолепное и истинное, сам видел, сам свидетельствовать могу, видел и удивлялся, видел, несмотря даже на смрад грехов и нищий вид народа нашего. Не раболопен он, и это после рабства двух веков. Свободен видом и обращением, но безо всякой обиды. И не мстителен, и не завистлив. (IX, 311)

⟨364⟩ — Но спасет бог людей своих, ибо велика Россия смирением своим. Мечтаю видеть и как бы уже вижу ясно наше грядущее: ибо будет так, что даже самый развращенный богач наш кончит тем, что устыдится богатства своего пред бедным, ⟨365⟩ а бедный, видя смирение сие, поймет и уступит ему с радостью и лаской ответит на благолепный стыд его. Верьте, что кончится сим: на то идет. Лишь в человеческом духовном достоинстве равенство, и сие поймут лишь у нас. Были бы братья, будет и братство, а раньше братства никогда не разделятся. Образ Христов храним и воссияет как драгоценный алмаз всему миру... Будь, буди! (IX, 311—312)

⟨366⟩ — Думал я о сем много, а теперь мыслю так: неужели так недоступно уму, что сие великое и простодушное единение могло бы в свой срок и повсеместно произойти меж наших русских людей? Верую, что произойдет, и сроки близки. (IX, 312)

⟨366⟩ — Без слуг невозможно в миру, но так сделай, чтобы был у тебя твой слуга свободнее духом, чем если бы был не слугой. (IX, 313)

NB

⟨367⟩ — «Что же нам, говорят, посадить слугу на диван да ему чай подносить?» А я тогда им в ответ: «Почему же и не так, хотя бы только иногда». Все тогда засмеялись. Вопрос их был легкомысленный, а ответ мой неясный, но мыслю, что была в нем и некая правда. (IX, 313—314)

NB

⟨380⟩ — Из таковых, например, была даже самая эта закоренелая вражда к старчеству, как к зловередному новшеству, глубоко таившаяся в монастыре в умах еще многих иноков. (X, 9)

⟨511⟩ — Петр Ильич вкратце, но довольно ясно изложил ей историю дела, по крайней мере ту часть истории, которой сам сегодня был свидетелем, рассказал и о сейчашнем своем посещении Фени и сообщил известие о пестике. Все эти подробности донельзя потрясли возбужденную даму, которая вскрикивала и закрывала глаза руками... (X, 122—123)

665 — Вообрази себе: это там в нервах, в голове, то есть там в мозгу эти нервы... (ну черт их возьми!) есть такие этакие хвостики, у нервов этих хвостики, ну, и как только они там задрожат... то есть ви-

дишь, я посмотрю на что-нибудь глазами, вот так, и они задрожат, хвостики-то... а как задрожат, то и является образ, и не сейчас является, а там какое-то мгновение, секунда такая пройдет, и является такой будто бы момент, то есть не момент,— черт его дери момент,— а образ, то есть предмет али происшествие, ну там черт дери — вот почему я и созерцаю, а потом мыслю... потому что хвостики, а вовсе не потому, что у меня душа и что я там какой-то образ и подобие, все это глупости. Это, брат, мне Михаил еще вчера объяснял, и меня точно обожгло. Великолепна, Алеша, эта наука! Новый человек пойдет, это-то я понимаю... А все-таки бога жалко! (X, 255)

<669> — Именно, может, оттого, что идеи бушевали во мне неизвестные, я и пьянствовал, и дрался, и бесился. Чтоб утолить в себе их, дрался, чтобы их усмирить, сдавить. Брат Иван не Ракитин, он таит идею. Брат Иван сфинкс, и молчит, все молчит. А меня бог мучит. Одно только это и мучит. А что как его нет? Что если прав Ракитин, что это идея искусственная в человечестве? Тогда, если его нет, то человек шеф земли, мироздания. Великолепно! Только как он будет добродетелен без бога-то? Вопрос! Я все про это. Ибо кого же он будет тогда любить, человек-то? Кому благодарен-то будет, кому гимн-то воспоет? Ракитин смеется. Ракитин говорит, что можно любить человечество и без бога. Ну это сморчок сопливый может только так утверждать, а я понять не могу. Легко жить Ракитину: «Ты,— говорит он мне сегодня,— о расширении гражданских прав человека хлопочи лучше, али хоть о том, чтобы цена на говядину не возвысилась; этим проще и ближе человечеству любовь окажешь, чем философиями». (X, 258—259)

<674> — Ты прав,— решил Алеша,— решить невозможно раньше приговора суда. После суда сам и решишь; тогда сам в себе нового человека найдешь, он и решит.

— Нового человека аль Бернара, тот и решит по-бернаровски! Потому, кажется, я и сам Бернар презренный! — горько осклабился Митя. (X, 262)

<На форзаце:>

Старец — 35, вражда к старчеству — 380

Нельзя вообще прежде ее смысла — 267

Нелепо, но... (нужно) 282

Свобода и хлеб 293

От нас и издревле деятели нар. выходили — 363

А Россию спасет господь — 364

Пророчество — 366

<На оборотной стороне:>

157, 277, 281, 344

237 Курсистка!

261 Либерализм и космополитизм Смердякова

273 Вера *Ивана Карамазова*

283,4 исповедь *Ивана Карамазова* (страдания и гармония)

343 в Дуэли

365 Решение соц. вопр. в России

366,7 слуга, свободный духом.

665 Мите бога жалко! 669

679 Алешу «бог послал сказать!»

Общая исповедь — 185

О старчестве — 198

NB Все такие же на его месте — 252

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Фонды Полтавского государственного литературного мемориального музея В. Г. Короленко, А1—1089-1092.

² «Русское богатство», 1903, № 2.

³ Ф. Д. Б а т ю ш к о в. В. Г. Короленко как человек и писатель. М., «Задруга», 1922, стр. 47.

⁴ «Русское богатство», 1897, № 2, стр. 11.

⁵ У Короленко: 148 (очевидно описка).— Отчеркнут текст из статьи «Последние литературные явления. Газета „День“».

⁶ Скорее всего Короленко имел в виду следующее высказывание Ж. Мишле: «Итак, после нескончаемых раздоров людей с природой и с людьми, пусть настанет радостное примирение! Пусть будет покончено со всякой гордыней и пусть от земли до небес раскинется Град, пристанище для всех обширнее, как божье лоно!»

А о себе я заявляю, что если хоть один, отверженный этим Градом, не найдет в нем приюта, то я не войду туда, а останусь на дороге» (Жюль М и ш л е. Народ. М., «Наука», 1965, стр. 121).